

РЕНИЕ
БЕРНАРА
*Экстаз
в изумрудах*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б51

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Renee Bernard
ECSTASY WEARS EMERALDS

Перевод с английского *Т. Н. Замиловой*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства
The Berkley Publishing Group, a member
of Penguin Group (USA) Inc.

и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Бернард, Рене.

Б51 Экстаз в изумрудах : [роман] / Рене Бернард ; [пер.
с англ. Т. Н. Замиловой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-091860-7

Девушка мечтает о карьере врача? Немыслимо!

Но Гейл Реншоу упрямства не занимать, и она намерена добиться своего любой ценой. Ее не примут в университет? Так что же — она будет брать частные уроки молодого доктора Роуэна Уэста, а для того, чтобы добиться его согласия, использует открытый шантаж.

Роуэн возмущен, однако отказаться не в силах, и вскоре Гейл становится частой гостьей в его доме. Когда раздражение Уэста сменяется уважением к уму и таланту ученицы, в его сердце вспыхивает любовь...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-091860-7

© Renee Bernard, 2011
© Перевод. Т.Н. Замилова, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Что есть тело? Тень тени тво-
ей любви, которая в себя вклю-
чает целый мир.

Дж. Руми

Глава 1

Зима 1859 года

Лондон

— Храни вас Боже, доктор Уэст! — Женщина вцепилась в рукав его белой рубашки. Отчаяние и горе придали ее пальцам такую леденящую силу, что появление синяков на руке было гарантировано. — Спасибо, что задержались допоздна!

Роуэн покачал головой:

— Нет нужды это говорить, миссис Блайт. Пусть Джексон отдыхает. Я загляну еще через день или два, чтобы посмотреть, как он поправляется. — Роуэн накрыл ее руку своей затянутой в перчатку ладонью. — Пошлите за мной, если его состояние ухудшится. Невзирая на час, миссис Блайт, пошлите непременно.

Ее сын умирал. И Роуэн мог лишь наблюдать за медленным уходом молодого человека. В шестнадцать лет Джексон был одним из его любимых пациентов — огонь и бравада. Мужская развязность подростка чередовалась в нем со спокойными моментами, без суетливого присутствия его матери, когда они с Роуэном могли говорить обо всем и ни о чем.

Джексон так и не выздоровел после ужасной лихорадки, которую перенес в двенадцатилетнем возрасте. Его сердце и легкие с тех пор уже не справлялись с обычными нагрузками. И каждая очередная зима отнимала у него силы. Теперь счет шел на недели или даже на дни. Еще немного, и вдовая миссис Блайт лишится любви своего единственного сына и затянет дом черным крепом.

«А она благодарит меня».

— Обязательно, — ответила она с чувством, и ее глаза потемнели. — Я пошлю за вами в любой час. Благодарю вас...

— Прошу вас, миссис Блайт. Приберегите благословение для себя и вашего прекрасного сына. Я... к вашим услугам. Если бы только мог сделать больше... — Проклятие! Его профессиональный фасад быстро разваливался. Роуэн вышел из ее дома и спустился по ступенькам к ожидавшей его карете. «Что это за врач такой, который распускает нюни, как дурачок? Я устал. Слишком много было длинных бессонных ночей, и мои нервы совсем расшатались, чтобы запросто отмахнуться от такой женщины, как миссис Блайт». Она хотела, чтобы он лгал, и он знал правила игры. Он должен был заверить ее, что Джексон выглядит лучше, что отдых пойдет ему на пользу, что надо запастись новыми книжками, которые он будет читать, выздоравливая, и готовиться к весенним университетским экзаменам.

Насколько трудно было лгать?

«Все труднее и труднее. Я разучился лгать после Индии. Проклятие, я многое разучился делать...»

— Домой, Тео.

Взбравшись в карету без помощи кучера, он бесцеремонно бросил на сиденье рядом свой кожаный медицинский саквояж. Захлопнул за собой дверцу, откинулся на спинку сиденья и, вытянув вперед длинные ноги,

положил их на зачехленное сиденье напротив. Человек, у которого не было даже сил, чтобы вздохнуть или жалеть себя.

Карета тронулась, и его преданный кучер, мастерски прокладывая путь по затуманенным улицам, повез Роуэна в фешенебельный район западного Лондона, где находился его дом. Темные улицы Лондона отзывались зловещими звуками, издаваемыми лошадьми и одиночными смельчаками, спешащими по делам в столь богопротивный час. Приглушенные шумы беспокойно дремлющего города доносились до Роуэна, как исполняемая за стеной музыкальная пьеса. Он провел рукой по волосам, взвешивая свои темно-каштановые, с золотым отливом, кудри.

«Я устал и телом, и душой, как любил говорить мой отец».

Он был еще относительно молодым человеком тридцати трех лет, но сегодня чувствовал себя так, как будто ему стукнуло все сто тридцать три. Перед лицом болезни Джексона он был беспомощен и с ужасом ждал неминуемой развязки — своей неудачи в спасении жизни мальчика.

«Похоже, боль его матери станет для меня сама по себе наказанием. И испытать эту горечь придется... уже скоро. Бедный Джексон! Каким бы человеком ты мог вырасти! Ты еще не бреешься, но уже лучше многих, если бы только это могло послужить утешением для твоей матери».

Карета резво катила по пустынным улицам. В конце летнего сезона большинство богатых жителей Лондона разъехались по своим загородным имениям, чтобы насладиться охотой и свежим воздухом осени. В сырые, холодные зимние месяцы город, как судачили языки, являл собой рассадник болезней. Поэтому не вызывало

удивления, что люди со средствами старались бежать из мрака покрытых сажей улиц.

Но именно зимой доктор Роуэн Уэст и пользовался наибольшей популярностью. Когда столько пациентов нуждались в его помощи, ему претила мысль протянуть ноги к огню где-нибудь в тихом деревенском доме. А что касалось слухов и бабских сплетен, то он знал другое: по иронии судьбы в летние месяцы город представлял еще большую опасность, правда, его коллеги пока не сошлись в единодушном мнении, чем это было обусловлено.

Голова гудела в одном ритме со стуком копыт, отбиваемом лошадьми по булыжной мостовой. Стараясь избавиться от ощущения, что череп наполняется серым песком, Роуэн на несколько минут закрыл глаза.

«Усталость. Это всего лишь усталость, но клянусь, если взгляну на сюртук, то увижу пыль от этого перемолотого стекла, что высыпается из моих ушей».

Карета замедлила ход и остановилась. Роуэн с облегчением открыл глаза.

— Наконец-то дома.

И снова сам, не дожидаясь Тео, выбрался из кареты, захватив докторский саквояж. Его упрямая самостоятельность давно стала предметом шуток среди «Пресыщенных» — это имя носил ближайший круг его друзей, — но для Роуэна она была предметом гордости. Его друзья, которые выросли в богатстве, и даже те, кто богатства не знал, удивлялись его нежеланию ждать, когда тебя обслужат. Роуэн не видел причин, чтобы не обращаться с другими людьми как с равными. Возможно, поэтому в период тюремного заключения в Индии во время бунта для него не стало откровением, что братство может быть выше кровных уз.

Маленькая община, известная под именем «Пресыщенных», пустила корни при наихудших обстоятель-

ствах, но Роуэн был уверен, что полученный опыт сделал их всех лучше.

«Если не лучше, то, возможно, как в моем случае, дал понять, что к чужому неудобству или тяжелому труду нельзя относиться как к чему-то раз и навсегда данному».

Он решительно не понимал, почему джентльмен не может сам о себе позаботиться. Это, конечно, не значило, что он мог представить свою жизнь без слуг, но они были для него скорее членами семьи, чем услугой, и их забота облегчала ему выполнение профессиональных обязанностей.

Войдя в холл, Роуэн нахмурился, озабоченный зажженными свечами и присутствием Картера. Слуга давно должен был отправиться на боковую, но в ожидании Роуэна, похоже, еще и не думал ложиться.

— Картер? Бессонница одолела или что-то другое, о чем я еще не знаю?

— У нас гость, доктор Уэст.

Картер указал на приемную, находившуюся по другую сторону главной лестницы.

— В этот час? Что за гость?

Роуэн поставил саквояж на столик возле двери. В неурочное время к нему частенько наведывались члены «Пресыщенных», но они имели привычку располагаться в библиотеке, где чувствовали себя как дома. И Картер давно перестал обращать на них внимание. Но, судя по виду старика, ситуация выходила за рамки протокола, заставляя его нервничать.

— Женщина. Точнее, леди, доктор Уэст. Приехала одна в наемном экипаже и заявила, что будет вас ждать. — Картер выглядел абсолютно удрученным, как будто ему изменила обычная чопорность. — Я... я подумал, что будет лучше, если провожу ее в салон.

— Как давно она здесь?

— С восьми часов, — сообщил Картер. — Я время от времени к ней заглядывал. Она... как сидела, так и сидит.

«Даже восемь часов вечера — неприлично поздний час для визитов. Сейчас уже далеко за полночь! Что, спрашивается, могло заставить даму просидеть в моей приемной почти пять часов?»

— Она назвала вам свое имя? — справился Роуэн.

Картер покачал головой:

— Отказалась, но заверила, что у нее к вам неотложное дело личного характера. Когда она только появилась, я и представить не мог, что все закончится столь странной осадой.

— Не волнуйтесь, Картер. Я увижусь с ней и как можно быстрее поставлю в деле точку. — Роуэн направился в гостиную, но вдруг остановился. — Подождите здесь, если можно, Картер, вдруг что-то понадобится.

— Да, конечно!

Картер не скрывал своего облегчения. Прежде чем открыть дверь, Роуэн сделал еще один глубокий вдох в попытке прогнать досадную боль в глазах. Глядя на выражение лица дворецкого, он не знал, чего ожидать. Визит дамы в столь поздний час в любом случае не предвещал ничего хорошего. Хотя он не сомневался, что будь это проститутка, Картер не пустил бы ее на порог. «Возможно, дама из робости постеснялась назначить встречу. Хотя...»

Но закончить мысль он не сумел, потому что увидел свою незваную гостью. Восседающая на резном деревянном стуле в красивом дорожном платье, придававшем ее облику изящество лебедя, она была подобна экзотической птице. Ее темные блестящие волосы, собранные сзади, ниспадали локонами вниз, подчеркивая грациозные ли-

нии лица и шеи. Правильные черты лица выдавали аристократическое происхождение. Взгляд, которым она его встретила, сквозил легким нетерпением и холодным спокойствием. Когда он вошел, она встала, фарфоровая камея, в которую вдохнули жизнь. Когда фиалковые глаза замерли на его лице, Роуэн затаил дыхание.

— Чем могу вам помочь? Мисс?

Когда детали, которые он не сразу заметил, отразились в его сознании, натянутые нервы зазвенели, как струны.

«Она все еще в перчатках. А это уж не ее ли багаж?»

— Доктор Уэст! Счастлива с вами познакомиться.
Я — Реншоу. Гейл Реншоу.

Но выглядела она отнюдь не счастливой.

Глядя на нее, можно было подумать, что она ошиблась домом или же нашла не того доктора Уэста. Она открыто оценивала его, и Роуэн не мог избавиться от ощущения, что не оправдал ее ожиданий.

«Гейл Реншоу. Реншоу. Имя кажется смутно знакомым, но эту леди я бы точно вспомнил, даже если бы у меня от боли раскалывалась голова».

Он кивнул, но взгляда не опустил. Боже, спаси и помилуй! Он, похоже, не мог оторвать от нее глаз, даже если бы это грозило ему смертью.

«Думаю, что следует держаться с ней официально, насколько это возможно, потому что не представляю, что нужно говорить леди, явившейся с вещами».

— Хотя я тоже всегда рад новым знакомствам, но в данный момент слегка растерян. Для визитов сейчас слишком поздно, впрочем, если речь идет о срочности...

Она покачала головой, слегка хмурия лоб, как будто его слова ее раздосадовали.

Роуэн сделал глубокий вдох и второй заход.

— Прошу прощения, если я что-то неправильно понял. Но Картер был уверен, что вам нужна какая-то помощь, и я подумал...

— Не нужно извиняться, доктор Уэст. Я явилась к вам без предупреждения, но, получив ваш доброжелательный ответ на мое письмо, решила, что сейчас самое лучшее время для начинаний.

— Ваше письмо? — «Реншоу. Не может быть!» — Я ответил, получив письмо от мистера Г.Л. Реншоу, но...

— Нет, вы получили письмо от меня, в котором я спрашивала о возможности пройти у вас обучение. — Опустив руку в глубокий карман юбки, она извлекла сложенный листок веленовой бумаги с его ответом. — Вы прямо указали, что нуждаетесь в дополнительной паре рук.

— Да, но я был уверен, что имею дело с... мужчиной.

Ее спина распрямилась и цвет лица изменился, выдав, что дама не так холодна, как притворяется.

— Намеренная ложь не делает мне чести, но эта деталь не должна иметь значения для человека вашего характера. Вы назвали цену, и я приехала с деньгами.

Роуэн подумал, что ослышался.

— Прошу прощения. Вы признаетесь в обмане и наивно надеетесь, что я закрою на это глаза и заключу с вами какой-то безрассудный контракт?

— Но вы же берете учеников?

«Это какой-то абсурд».

— Брал в прошлом, но...

— Я хочу стать врачом, доктор Уэст, и приехала сюда с единственной целью — поступить к вам в ученики. Я много о вас слышала и, поскольку это дело не совсем обычное, была уверена, что вы согласитесь.

Он медленно покачал головой. Все происходящее представлялось ему сном.

— Вы сказали, что много обо мне слышали? Как моя известность могла спровоцировать столь абсурдное обращение?

— Что абсурдного в желании стать врачом?

Роуэн прикрыл глаза ладонью и слегка надавил на веки, чтобы облегчить боль.

— Уже поздно, мисс Реншоу.

— Если бы я хотела совершить мошенничество, то закончила бы переговоры в письменном виде и внесла бы предоплату до своего приезда, доктор Уэст. Но я внушила себе, что вы человек открытого мышления и отнесетесь к прямому подходу с уважением.

Она сунула его письмо в карман, словно боялась, что Роуэн отберет его.

— Что-что, а прямой вас никак не назовешь, мисс Реншоу. — Роуэн прошел к буфету, чтобы налить себе чего-нибудь выпить. — Давайте снова попробуем.

— Да, давайте. — Она спокойно села, как будто он пригласил ее на чай. — Когда я с успехом завершу обучение, то, надеюсь, университет не сочтет возможным усомниться в моей подготовленности. Конечно, пойти в ученики к сельскому доктору было бы проще, но и отмахнуться от меня в таком случае тоже было бы проще. Поскольку вы лондонец, выпускник Оксфорда с дипломом Королевской академии, к моему обучению и самоотверженности отнесутся с большей серьезностью. Поскольку я не намерена позволить им прогнать меня по той простой причине, что я женщина, этот план представляется мне стоящим.

«План действительно стоящий».

В душе он был с ней согласен. Если бы можно было пренебречь реальностью, безраздельным влиянием мас-

титых стариков и традиционным мышлением, то прелестная пташка могла бы добиться своего. К боли в глазах добавилась боль в шее.

— Мисс Реншоу, что вы такое слышали, что убедило вас в моем открытом мышлении?

— Я родом из Стэндиш-Кроссинга.

«Потянуло холодком из прошлого. Проклятие! Стоило провести в Стэндиш-Кроссинге одну-единственную зиму, и мне уже не забыть этого до самой старости».

— И в деревне ходят слухи о моем тайном желании взять в ученики женщину?

— Не думаю, что вы захотите снова это услышать, доктор Уэст. Достаточно сказать, что вы — человек, который не боится нарушать правила.

Прежде чем ответить, он сделал большой глоток бренди.

— В самом деле? Не припомню, чтобы меня характеризовали в подобных терминах. Вы неправильно восприняли слухи, мисс Реншоу, и совершенно напрасно проделали этот длинный путь.

Гостья не пошевелилась, и Роуэну в какой-то момент показалось, что она его не услышала. Но когда она ответила, небрежно поправив перчатки и разгладив юбки, он едва не выронил стакан из рук.

— Слухи — это такая странная вещь, доктор Уэст. Хватит одного шепота, чтобы они разнеслись по всему свету. Приятно думать, что в Лондоне никто не слышал о вашей жизни в этой деревне, вы со мной не согласны?

«При всей вашей красоте, мисс Реншоу, вы — маленькая порочная дрянь!»

— Уж не пытаетесь ли вы столь утонченным образом угрожать моей репутации?

— Совсе нет. И не было никакой утонченности. Позвольте начать сначала, доктор Уэст. Мое предложение

взаимовыгодно. Вам нужна помощь, а я полна решимости делать все, что в моих силах, лишь бы получить знания и опыт, необходимые мне, чтобы стать настоящим доктором. У меня есть деньги и возможности. Мой пол значения не имеет, и больше никто не станет говорить со мной на эту тему... Узнав от причастного лица некоторые подробности из вашего прошлого, я не могла упустить этой возможности. Я подумала, что человек с вашей квалификацией и тщательно оберегаемой репутацией, пожалуй, согласится поступиться правилами, когда узнает, сколь решительно я настроена.

— Уже час ночи, мисс Реншоу.

— Тогда, возможно, вы попросите вашего слугу проводить меня в комнату? — Она встала и наклонилась, чтобы взять свои сумки. — Мы можем прийти к соглашению утром.

«Могли бы, если бы вы были в здравом рассудке».

— К утру ваша репутация будет безнадежно испорчена, мисс Реншоу.

— Моя репутация уже испорчена, доктор Уэст. Я пришла без сопровождения и в неурочный час явилась в дом к неженатому джентльмену. И что бы вы там ни думали, ничуть от этого не пострадала. — Она отмахнулась от проблемы как от малозначимой. — Но я согласна, что уже поздно беспокоиться о тонкостях моего социального статуса. Итак, моя комната?

— Я ни на что не даю вам своего согласия, мисс Реншоу, но совершенно искренне говорю, что не имею сил обсуждать с вами ваш моральный кодекс или отсутствие такового, пока несколько часов не посплю. Эта головная боль лишает меня способности мыслить.

Он поставил стакан и прошел к двери, чтобы отдать распоряжения ожидающему Картеру.